

СОВЕТСКИЙ ВЕК

**Александр
Зиновьев**

СТАЛИН

НАШЕЙ ЮНОСТИ ПОЛЕТ

Александр Александрович Зиновьев

Сталин. Нашей юности полет

Серия «Советский век»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73029134

Сталин. Нашей юности полет / Зиновьев А.А.: Родина; Москва; 2023

ISBN 978-5-00180-960-9

Аннотация

Александр Зиновьев – выдающийся русский писатель, социолог, философ, публицист. В книге, которую вы собираетесь прочитать, он проводит глубокий анализ сталинской эпохи и личности Сталина.

Сам автор так говорит о своём произведении: «Название этой книги взято из слов песни, которую советские люди пели в сталинские времена («Сталин – наша слава боевая. Сталин – нашей юности полет..... Я пел эту песню и не чувствовал в ней фальши. Я чувствовал в ней что-то другое, а именно: всеокрушающий ураган великой истории. В этой книге я хочу рассказать немного о том, как осознавался и ощущался этот исторический ураган некоторыми представителями моего поколения, вовлеченными в него, о том, чем был сталинизм для нас».

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Намерение	6
Сталинизм	8
Сталинская эпоха	8
Первое пророчество	15
Он	20
Справедливость	23
Вина	26
Донос	28
В защиту эпохи	30
Репрессии	32
Почему	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Александр Зиновьев
Сталин. Нашей
юности полет

СОВЕТСКИЙ ВЕК

Серия «Советский век»

ИЗДАТЕЛЬСТВО

РОДИНА

© Зиновьева О.М., 2023

© ООО «Издательство Родина», 2023

Намерение

Название этой книги взято из слов песни, которую советские люди пели в сталинские времена («Сталин – наша слава боевая. Сталин – нашей юности полет. С песнями борясь и побеждая, наш народ за Сталиным идет»). Пел и я эту песню вместе со всеми, несмотря на то, что ненависть лично к Сталину и ко всему тому, что тогда связывалось с его именем, была всепоглощающей страстью моей юности. Я пел эту песню и не чувствовал в ней фальши. Я чувствовал в ней что-то другое, гораздо более страшное, чем фальшь, а именно: всеокрушающий ураган великой истории. В этой книге я хочу рассказать немного о том, как осознавался и ощущался этот исторический ураган некоторыми представителями моего поколения, вовлеченными в него, о том, чем был сталинизм для нас. Слово «сталинизм» употребляют во многих различных значениях. Для меня сталинизм – не слово, подлежащее определению, а общеизвестный эмпирический факт, подлежащий изучению и осмыслению. Это эпоха становления, формирования нового, коммунистического общества. Это юность реального коммунизма. В эту эпоху происходило формирование социального строя страны, ее экономики, формы власти и управления, идеологии, культуры, а также объединение многочисленных народов в единое государство, короче говоря, происходило формирование всех

основных явлений коммунистического общества как целого.

Временные рамки этой эпохи можно определять по-разному. Началом можно считать окончание Гражданской войны, избрание Сталина Генеральным секретарем ЦК, смерть Ленина. Концом можно считать смерть Сталина, разоблачительный доклад Хрущева, окончание войны с Германией, XIX съезд партии. Для меня важно следующее: эта эпоха связана с деятельностью Сталина и его сообщников, а временные рамки должны быть определены так, чтобы в них вошли все основные события эпохи и основные деяния Сталина и сталинистов.

Сталинизм

Сталинская эпоха

Сталинская эпоха ушла в прошлое, осужденная, осмеянная, оплеванная и окарикатуренная, но не понятая. А между тем все то, что вырвалось наружу в хрущевское время, было накоплено, выстрадано и обдуманно в сталинское время. Все то, что стало буднями советской жизни в брежневское время, вызрело в сталинское время. Сталинская эпоха была юностью советского общества, периодом превращения его в зрелый социальный организм. И хотя бы уже потому она заслуживает нечто большего, чем осуждение: она заслуживает понимания.

Понимание не есть оправдание. Можно понять, не оправдывая. Можно оправдать, не понимая. Оправдание есть явление моральное, понимание гносеологическое. С точки зрения понимания причины настоящего лежат в прошлом. С точки зрения оправдания или осуждения никакой связи между прошлым и настоящим нет. Настоящее не оправдывает прошлое. Прошлое не повинно в настоящем. Нельзя осуждать или оправдывать прошлое с точки зрения настоящего. Нельзя осуждать или оправдывать настоящее с точки зрения прошлого. Рассматривать историю в категориях оправдания

и осуждения значит исключать всякую возможность ее понимания.

Стало привычным штампом рассматривать сталинскую эпоху как эпоху преступную. Это – грубое смешение понятий. Понятие преступности есть понятие юридическое или моральное, но не историческое и не социологическое. Оно по самому смыслу своему неприменимо к историческим эпохам, к обществам, к целым народам. Рабовладельческое общество и феодальное общество не были преступными, хотя многое, происходившее в них, можно рассматривать как преступления. Сталинская эпоха была страшной и трагической эпохой. В ней совершались бесчисленные преступления. Но сама она как целое не была преступлением. И не является преступным общество, сложившееся в эту эпоху, каким бы плохим оно ни было на самом деле. Трагичность сталинской эпохи состояла в том, что в тех исторических условиях сталинизм был закономерным продуктом Великой Революции и единственным способом для нового общества выжить и отстаять свое право на существование. Трагичность сталинской эпохи состояла в том, что она навеки похоронила надежды на идеологический земной рай, построив этот рай на самом деле. Она обнажила подлинную страшную сущность многовековой мечты человечества.

После короткой и ожесточенной вспышки интереса к сталинской эпохе и ее разоблачительства наступило равнодушие к ней. Есть много причин, порождающих в совокуп-

ности эту тенденцию к забвению своего недавнего прошлого. Среди них – радость избавления и страх повторения. Этот страх напрасен. Такая эпоха неповторима: общественный организм, как и любой другой живой высокоразвитый организм, переживает юность лишь однажды. А избавление иллюзорно. Сталинская эпоха в самом существенном своем содержании вошла в нашу плоть и кровь навечно – она породила нашу сегодняшнюю реальность и носителей ее. Она породила будущее. Так что уклониться от внимания к ней и от ее беспощадной объективной оценки все равно не удастся.

На Западе выходят бесчисленные книги о гитлеровской Германии, Гитлере и его соратниках. А ведь гитлеровская Германия просуществовала всего несколько лет, потерпев сокрушительное поражение. Сталин же и его соратники одержали блистательную историческую победу, построив новый тип общества со всеми его атрибутами, и в колоссальной степени усилили мировую тенденцию к коммунистическому социальному устройству. Есть советский анекдот, в котором Гитлер рассматривается как мелкий бандит сталинской эпохи. Этот анекдот соответствует сути дела.

Гитлеровская Германия – эпизод в истории, сталинская эпоха – великий перелом всей истории. И несмотря на это, внимание к сталинской эпохе и сталинизму здесь ничтожно. Что это означает? Страх реальности? Боязнь признать историческое творчество «низшей расы»? Самомнение? Да и в Советском Союзе положение не лучше. Советская нау-

ка и идеология уже не способны воздать должное сталинской эпохе. Они обречены на полуосуждение и полуоправдание ее. Историческое же величие эпохи состоит не в ложной чистоте и мелких воображаемых ошибках, а в том реальном океане страданий, крови, грязи, лжи, насилия и прочих мерзостей, через которые пришлось пройти стране. Поэтому лишь жертвы и враги сталинизма еще способны защитить его историческое достоинство. Но скоро и их не останется в живых. Останутся лишь равнодушные да бездарные спекулянты за счет уже безопасного прошлого.

Понять историческую эпоху такого масштаба, как сталинская, – это не значит описать последовательность множества ее событий и их видимую причинно-следственную связь. Это значит понять сущность того нового общественного организма, который созрел в эту эпоху. Отмечу в этой связи некоторые характерные свойства известных мне сочинений о Сталине, сталинизме и сталинской эпохе. В этих сочинениях обычно выделяется один какой-то аспект исторического процесса (чаще – аспект борьбы Сталина за личную власть и репрессий), раздувается сверх меры, целостность этого процесса испаряется, и невольно получается односторонне-ложная его картина. Историческая эпоха, далее, рассматривается со стороны (как она представляется западному наблюдателю) или сверху (как она представляется с точки зрения деятельности партий, групп и отдельных личностей). И потому невольно получается поверхностное и чисто

фактологическое описание. Основное в этой эпохе, т. е. все то, что происходило в массе населения и послужило базисом для всех видимых сверху и со стороны явлений, т. е. основной глубинный поток истории почти не принимается во внимание или учитывается в ничтожной мере. Потому сталинизм представляется как обман и насилие, тогда как в основе он был добровольным творчеством многомиллионных масс людей, лишь организуемых в единый поток посредством обмана и насилия.

Другая характерная слабость упомянутых сочинений – смешение словесной формы и объективной сущности эпохи. Реальность лишь частично и к тому же в превращенной форме отражается в словесном потоке своего времени. Не всегда речи деятелей эпохи, программы партий, резолюции съездов, газетные статьи и книги адекватно отражают глубинное течение истории. Иногда бурное кипение страстей происходит в стороне от главного течения и на мелком месте, а мощное скрытое течение остается незамеченным на поверхности. Преувеличение роли словесной формы истории и игнорирование ее неадекватности скрытой сущности процесса имели следствием то, что второстепенные личности и события занимают больше внимания людей, чем реально первостепенные, их роль сильно преувеличивается в ущерб исторической правде. Характерный пример этого – непомерное раздувание интеллекта Троцкого и умаление такового Сталина, объяснение победы сталинизма над троц-

кизмом личными отрицательными качествами Сталина и его сподвижников. А между тем с точки зрения существа исторического процесса (т. е. глядя на него снизу, из глубины) победа сталинизма была закономерным следствием того, что именно Сталин и сталинисты наиболее адекватно выражали сущность потребностей той эпохи и ее объективные тенденции. Троцкий и подобные ему кажутся гениями лишь с точки зрения словесной пены истории. Если они и гении, то гении болтовни, а не реального дела. С точки зрения понимания существа эпохи все они суть жалкие карлики в сравнении со Сталиным. Масштабы исторической личности определяются не умением долго и красноречиво болтать, а именно степенью адекватности тому движению массы, на роль руководителя которой ее вытолкнули обстоятельства. Масштабы исторической личности определяются, далее, не способностью понимать объективную сущность происходящих событий и объективные тенденции исторического процесса в данное время, а тем, насколько его личная деятельность совпадает с объективными закономерностями нарождающегося общества и насколько она способствует реализации его объективных тенденций.

Интеллект исторического деятеля мало что общего имеет с интеллектом ученого социолога и ученого историка, изучающих эпоху этого исторического деятеля и его роль в ней. Исторический деятель может быть гением в своей области, не имея ни малейшего представления о средствах познания,

которыми оперируют ученые и с которыми знакомы даже начинающие студенты. Ворошилов и Буденный, например, понимали в происходящем с научной точки зрения не больше, чем лошади, на которых они принимали военные парады. Но они были хорошими помощниками Сталина и исправно служили его делу. Сталин сам понимал с научной точки зрения в происходящем немногим больше их, но именно он был историческим гением, а они были ничтожествами в сравнении с ним. И он был таковым не благодаря тому, что был чуточку образованнее и умнее их в качестве студента некоей науки, а благодаря своему умению сыграть роль, заданную ему историей. Великие исторические деятели не столько творят историю, сколько вытворяют истории, история же сама творит их по образу своему и подобию.

Первое пророчество

Это произошло в 1939 году. На семинаре в институте я «сорвался» рассказал о том, что на самом деле творилось в колхозах. Меня «прорабатывали» на комсомольском собрании, потребовали, чтобы я признал свои ошибки. Я упорствовал. Меня исключили из комсомола, а затем и из института. Мои бывшие школьные друзья решили проявить обо мне заботу выяснить причины моего срыва и помочь мне. По инициативе комсорга школы они устроили вечеринку, на которой спровоцировали меня на откровенный разговор. Я уже покатился по наклонной плоскости и не стал сдерживаться: выложил им всю свою антисталинскую концепцию. Уже на следующий день в наш вечно залитый водой подвал спустился молодой человек. Я сразу понял, что это за мной, – я был уверен, что друзья напишут донос на Лубянку и меня арестуют. На Лубянке со мной беседовал пожилой человек в военной форме, но без знаков различия. На столе у него лежало письмо моих друзей: я узнал почерк. После разговора пожилой чекист велел молодому отвести меня куда-то. Мы уже вышли на улицу. В это время моего сопровождающего почему-то позвали обратно. «Подожди меня здесь, – сказал он, – я через минуту вернусь». Но я не стал ждать его. Я ушел, сам не зная куда. Домой решил не возвращаться. Ночевал на вокзале. Утром влез в какой-то поезд. Километрах

в ста от Москвы меня выбросил из вагона проводник. Так началась моя жизнь тайного антисталиниста. Кое-что из нее я припомню в дальнейшем. Хотите – верьте, хотите – нет, а то «Пророчество», которое вы только что прочитали, я сочинил еще тогда, в 1939 году. Я в те годы сочинил и многое другое. Но ничего не сохранил. И правильно сделал, иначе я не сохранил бы свою шкуру. Я был антисталинистом вплоть до хрущевского доклада. Антисталинистская пропаганда была делом моей жизни. Я не горжусь этим и не считаю себя исключительной личностью. Я встречал других антисталинистов, которые были таковыми с большим риском. Некоторые из них погибли. Некоторые уцелели, но забыли о своей прошлой деятельности. Никто из нас в те времена не считал себя героем. А теперь героями себя изображают те, кто был на самом деле сталинистом. Наша позиция была естественной мальчишеской реакцией на факты нашей жизни. Как-то встретил я довоенного знакомого, отсидевшего в лагерях больше пятнадцати лет за «попытку покушения на Сталина». На мой пошлый вопрос «Ну как?» он ответил, что «дураков учить надо». Моя антисталинистская пропаганда была примитивной и спорадической. По настроению и в подходящей ситуации. Психологически я чувствовал себя выше окружающих – я видел и понимал многое такое, чего (как казалось мне) не видели и не понимали они. Я ощущал себя потенциальным, а порою и актуальным борцом против режима – это была инерция революции, направленная теперь

против результатов самой революции.

Мой антисталинизм был порожден нестерпимо тяжелыми условиями жизни людей, в среде которых я рос. Моя личная ненависть к Сталину была лишь персонификацией моего протеста против этих условий. Но я очень рано стал размышлять о причинах этой чудовищной (как казалось мне тогда) несправедливости. К концу школы я уже был уверен в том, что причины зла коренятся в самом социализме (коммунизме). Моя личная ненависть к Сталину стала уступать место чисто интеллектуальному любопытству – желанию понять скрытые механизмы социалистического общества, порождающие все те отрицательные явления, на которые я уже насмотрелся достаточно много. Для меня сталинизм еще оставался воплощением и олицетворением реального коммунизма. Я тогда еще не знал, что это – всего лишь юность нового общества. Когда я это понял (это случилось в конце войны), я вообще перестал относиться к Сталину и его соратникам как к людям, вернее – на смену ненависти пришло презрение.

К этому времени я отчетливо осознал еще одно обстоятельство, сыгравшее важную роль в моем отношении к Сталину и сталинизму: я понял, что мое чувство превосходства над окружающими было самообольщением. Я имел сотни бесед с людьми самого различного возраста и положения. И самыми осведомленными о дефектах нашей жизни среди них были сотрудники органов государственной безопас-

ности, партийные чиновники, провокаторы и стукачи. Главное, понял я, не знание фактов, а отношение к ним. Сталинизм постепенно стал превращаться из моего личного врага в объект изучения.

Но вот умер Сталин. Для меня – сдох: он был мой враг. Но что случилось со мной? Я, обезумевший, метался по Москве, пил стаканами водку во всех попадающихся на пути забегаловках и не пьянел. Теперь, спустя тридцать лет, я понял, что случилось тогда: исчез мой враг, делавший мою жизнь осмысленной, окончилась моя Великая Тайна борца против сталинизма. Начиналась будничная жизнь рядового советского гражданина, в меру критичного по отношению к существующему строю, но в общем и целом принимающего его и сотрудничающего с властями в его сохранении.

После хрущевского доклада мой антисталинизм вообще утратил смысл. Все наперебой начали критиковать Сталина и его соратников. Все вдруг стали «жертвами культа». Меня это раздражало. Однажды при обсуждении диссертации одного сотрудника нашего учреждения, обругавшего (как это стало модно) Сталина, среди прочих выступил и я и сказал, что «мертвого льва может лягнуть даже осел». Меня вызвали на Лубянку и сказали, что мое поведение не соответствует генеральной линии партии на данном этапе, что я ошибаюсь, воображая, будто «сталинские времена» кончились, и что если я не прекращу свои просталинские заявления, они (т. е. органы) будут вынуждены принять в отношении меня

суровые меры.

Будучи не в силах принять сей жизненный парадокс, я запил пуще прежнего. Я был в этом не одинок. Точно так же поступали многие уцелевшие антисталинисты, потерявшие предмет своей ненависти, и немногие нераскаявшиеся сталинисты, потерявшие предмет своей любви. Мы вместе с ними опустились на самое дно человеческого бытия. Мы не чувствовали вражды друг к другу, ибо все мы были обломками великой эпохи и ее ничтожного крушения. В одно из таких падений в помойку человеческого бытия я встретил этого человека. На мой вопрос, что он думает по поводу хрущевского доклада, он сказал:

«Великан Истории поскользнулся на арбузной корке и сломал себе хребет». Он имел в виду сталинизм.

Он

Когда я, дрожа от холода и мерзостности внутреннего состояния, очнулся в новом вытрезвителе нашего района, на койке рядом сидело сине-фиолетовое, колючее, с желто-красными подтеками существо.

– Хорош, – сказал я вместо приветствия.

– А ты, думаешь, лучше? – миролюбиво ответило существо. – Красавчиками мы выходим только из морга.

Выполнив положенные в таких случаях формальности и прослушав часовую лекцию о моральном облике строителей коммунизма, мы покинули вытрезвитель со здоровым намерением «надраться» снова.

– Первый раз здесь, – сказал Он, с изумлением разглядывая дорические колонны и увенчанный скульптурами ударников труда фронтон нашего нового вытрезвителя. – Дворец, а не помойка для отбросов общества!

Подарок трудящимся нашего района к годовщине (не помню, какой по счету) Великого Октября, как сообщила наша пресса. По числу пьяно-коек превосходит все прочие, вместе взятые. И с новыми, научно обоснованными методами вытрезвления. В старых вытрезвителях пьяниц опускают в холодную ванну ногами, держа за волосы, если таковые есть, или за уши, если волосы отсутствуют. А здесь опускают в ледяную ванну, причем головой, держа пьяницу за пятки.

Так что мы вроде Ахиллеса теперь.

Которые, как доказала логика, не могут догнать даже че-репаху.

А собираемся Америку догнать и перегнать. Кроме того, здесь повышают морально-политический уровень пьяниц настолько, что они после этого ничего другого, кроме коммунизма, строить уже не способны. Идти на работу было бессмысленно: туда все равно сообщат о наших похождениях. Мы решили «закрепить знакомство».

– Я инженер, – сказал Он, – в инвалидной артели «Детская игрушка». Странное выражение «детские игрушки». Можно подумать, что есть какие-то другие, недетские игрушки. Не обожествляйте слово «инженер». Мои функции как инженера сводятся к тому, что я подписываю бумажки, смысла которых не понимаю. Держат меня там только потому, что я ветеран войны и имел три ранения. Одно тяжелое. Числюсь инвалидом. Получаю пенсию. На пенсию живу, а зарплату пропиваю.

Потом мы встречались с ним чуть ли не каждый день. Он оказался бывшим антисталинистом, причем раскаявшимся.

– Раскаявшийся сталинист, – сказал Он, – есть нечто совершенно заурядное. Но раскаявшийся антисталинист, согласитесь, это есть нечто из ряда вон выходящее.

Мы много разговаривали. Теперь трудно различить, что говорил Он и что говорил я. Наше принципиальное понимание прошлого и отношение к нему совпадали, а на автор-

ство идей и приоритет мы не претендовали. Так что я лишь с целью удобства описания буду приписывать все мысли, прошедшие тогда через мою собственную голову, Ему. Разумеется, лишь те, что вспомнятся сейчас. И в той языковой форме, в какой я могу сформулировать их сейчас.

Справедливость

– Легко быть моральным, сидя в комфорте и безопасности, – говорил Он. – Не доноси! Не подавай руку стукачу! Не голосуй! Не одобряй! Протестуй!.. А ты попробуй следуй этим прекрасным советам на деле! Думаете, страх наказания? Есть, конечно. Но главное тут – другое. Дайте мне самого кристально чистого человека, и я докажу, что он в своей жизни подлостей совершил не меньше, чем самый отъявленный подлец. Гляньте туда! Видите? Хулиганы пристаю́т к девушке. А прохожие? Ноль внимания. А ведь мужчины. Сильные. Вон тот одной левой может раскидать десяток таких хлюпиков. Думаете, заступится за девчонку? Нет! А небось кристально чист. Совесть спокойная. Вот в том-то и дело. Я сам дважды был жертвой доносов. А разве я лучше моих доносчиков? Вот вчера у нас было партийное собрание. Разбирали персональное дело одного парня. Дело пустяковое. Но нашлись желающие раздуть. И раздули. Райком партии раздул еще больше. Ну и понесли парня со страшной силой. Из партии исключили. Единогласно. И я голосовал тоже. А что прикажешь делать? Защищать? Я с ним в близких отношениях не был. Парень этот сам дерьмо порядочное. И проступок все-таки был. Ради чего защищать? Ради некоей справедливости? Вот в этом-то и загвоздка! Мы все считали и считаем наказание справедливым. И сам этот парень тоже.

Кстати сказать, мы и пить вчера начали с ними вместе. Он – с горя. Мы – из сочувствия к горю. Повод был подходящий.

Что справедливо и что – нет – вот в чем суть дела. Я много думал на эту тему, времени для раздумий было больше чем достаточно. И знаешь, что я надумал? Никакой справедливости и несправедливости вообще нет! Есть лишь сознание справедливости или несправедливости происходящего. Со-зна-ни-е! Понимаешь? То есть наша субъективная оценка происходящего, и только. А мы отрываем в своем воображении содержание нашего сознания от самого факта сознания и получаем пустышку: справедливость, как таковая! И эта пустышка терзает души миллионов людей много столетий подряд. Террор этой пустышки посильнее и пострашнее сталинского.

Есть правила и для субъективных оценок, знаю. Но они общезначимы лишь в рамках данной общности людей, в рамках принятых в ней представлений, понятий, норм. Мы, осуждая того парня, действовали в рамках наших представлений о справедливости, в рамках принятых нами и одобряемых норм на этот счет. И жертва эти нормы и представления принимает тоже.

А в те времена, думаешь, по-другому было? Сознание справедливости происходящего владело подавляющим большинством участников событий – вот чего не могут понять нынешние разоблачители ужасов сталинского периода. Без этого ни за что не поймешь, почему было возможно в та-

ких масштабах манипулировать людьми и почему люди позволяли это делать с собою. Конечно, случаи нарушения справедливости были. Например, расстреляли высокого начальника из органов, который сам перед этим тысячи людей подвел под расстрел. Расстреляли военачальника – героя Гражданской войны, который командовал войсками, жестоко подавившими крестьянский бунт. Но в общем и целом эта эпоха прошла с поразительным самосознанием справедливости всех ее ужасов. Это теперь, с новыми мерками справедливости и несправедливости мы обрушиваемся на наше прошлое как на чудовищное нарушение справедливости. Но в таком случае вся прошлая история есть несправедливость.

Вина

То же самое в отношении вины и невиновности. Это есть лишь другая сторона той же проблемы справедливости. Теперь проблема виновности и невиновности кажется очень простой. И мы переносим нынешние критерии на прошлое, забывая о том, что произошли по крайней мере два таких изменения: 1) сыграли свою роль и отпали многие поступки, которые были существенны в сталинское время; 2) в стране выработалась практически действующая система юридических норм и норм другого рода, которой еще не было в сталинское время. И люди в то время ощущали себя виновными или невиновными в иной системе норм и представлений об этом, чем сейчас. Например, руководитель стройки, который не выполнил задание в заданные сроки по вполне объективным причинам (например, из-за погоды), ощущал себя, однако, виновным. И вышестоящие органы рассматривали его как виновного. Родственники, сослуживцы и друзья тоже. Одни из участников дела переживали судьбу арестованного начальника как несчастье, другие радовались этому. Но ни у кого не было сомнения в его виновности; Я принимал участие в одной такой стройке за Полярным кругом. Начальник соседней стройки обрел на гибель пятьдесят тысяч человек ради незначительного успеха. Его наградили орденом. Начальник нашей стройки «пожалел» людей: угробил

не пятьдесят тысяч, а всего десять. Его расстреляли за «вредительство». Первый не испытывал чувства вины за гибель людей. Второй ощущал себя вредителем. Я не встретил тогда ни одного человека, кто воспринимал бы происходившее как вину первого и как невиновность второго.

Я сам прошел через все это. На студенческой вечеринке я наговорил лишнего о Сталине. Я никогда не был принципиальным врагом нашего строя, Сталина, политики тех времен. Просто случилось так, что высказал вслух то, что накопилось в душе. И это тоже нормальное явление. Тогда многие срывались. На меня написали донос. Я знал, что донос будет, и это тоже было общим правилом. И не видел в этом ничего особенного. Я знал, что сделал глупость, и чувствовал себя виноватым. Я считал справедливым и донос, в котором я не сомневался, и наказание за мою вину, которое я ожидал. Если теперь посмотреть на этот случай, то все будет выглядеть иначе. Доносчики будут выглядеть как безнравственные подонки. А они на самом деле были честными комсомольцами и хорошими товарищами. Я буду выглядеть героем, которого предали товарищи, а власти несправедливо наказали. А я не был героем. Я был преступником, ибо я и окружающие ощущали меня таковым. И это было в строгом соответствии с неписаными нормами тех дней и с неписаной интерпретацией писанных норм.

Донос

– Надо различать, – говорил Он, – донос как отдельное действие, совершенное конкретным человеком, и донос как массовое явление. В первом случае он подлежит моральной оценке, а во втором – социологической. Во втором случае мы обязаны прежде всего говорить о его причинах и о роли в обществе, о его целесообразности или нецелесообразности, социальной оправданности или неоправданности. И лишь после этого и на этой основе можно подумать и о моральном аспекте проблемы. В том, что касается доносов сталинского периода, моральный аспект вообще лишен смысла.

Смотри сам. Новый строй только что родился. Очень еще непрочен. Буквально висит на волоске. Врагов не счесть. Реальных врагов, а не воображаемых, между прочим. Что ты думаешь, все население так сразу и приняло новый строй, а власти лишь выдумывали врагов?! Малограмотное руководство. Никакого понимания сути новых общественных отношений. Никакого понимания человеческой психологии. Никакой уверенности ни в чем. Все вслепую и на ощупь. Не будь массового доносительства в это время, кто знает, уцелел ли бы сам строй. Но широкие массы населения сами проявили инициативу и доносили. Для них доносительство было формой участия в великой революции и охраной ее завоеваний. Донос был в основе добровольен и не воспринимал-

ся как донос. Лишь на этой основе он превратился в нечто принудительное и морально порицаемое ханжами и лицемерами. И роль доноса с точки зрения влияния на ход событий в стране была не та, что теперь, грандиознее и ошутимее. Я имею в виду не некое совпадение каждого конкретного доноса и действий властей в отношении доносимого, а соотношение массы доносов как некоего целого и поведения властей тоже как целого. Масса доносов отражалась в судьбе масс людей.

Теперь отпала потребность в доносе как социальном массовом явлении. Одновременно отпали породившие его условия. На место доноса сталинского периода пришел донос как элемент профессиональной деятельности определенной организации, т. е. как заурядное явление, порицаемое на моральном уровне. Конечно, нет четкой границы между этими эпохами. И в сталинское время была мешанина из доноса как формы революционной самодеятельности миллионных масс населения и доноса в его привычном полицейско-жандармском смысле. Тот первый донос на меня был детищем великой революции. Зато второй раз я пал жертвой доноса в его банальном, совсем не революционном значении. Этот второй донос был уже не во имя революции, а во имя личного положения в новом обществе, которое уже родилось в результате революции и было глубоко враждебно ей.

В защиту эпохи

– Если хотите знать основу сталинизма и его успехов, – говорил Он, – сделайте хотя бы самое примитивное социологическое исследование. Выберите характерный район с населением хотя бы в один миллион. И изучите его хотя бы по таким показателям. Численность населения, его социальный состав, профессии, имущественное положение, образованность, культура, число репрессированных, передвижения людей (куда люди покидали район и откуда появлялись в нем вновь). Изучите, что стало с теми, кто покинул район. Сделать это надо по годам, а иногда – по месяцам, ибо история неслась с ураганной скоростью. Знаю, трудно получить данные. Но все же что-то возможно получить. И группа грамотных социологов могла бы дать достаточно полную картину. И вы бы тогда увидели, что репрессии в ту эпоху играли не такую уж огромную роль, какую вы им приписываете теперь. И роль их в значительной мере была не такой, как кажется теперь. Вы бы тогда увидели, что главным в эту эпоху было нечто иное, позитивное, а не негативное. Вы смотрите на эту эпоху глазами репрессированных. Но репрессированный вырывался из нормальной жизни общества. Тут собирались люди самого различного сорта, причем далеко не всегда лучшие люди общества. Хотя в лагерях люди гибли, но постепенно они там накапливались – люди из разных слоев, эпох,

поколений. Хотя репрессии и концлагеря были обычным делом той эпохи, они не были моделью общества в целом. Общество отражалось в них, поставляя в них своих представителей, но сами они существовали по жутким законам таких объединений людей, вырванных из исторического процесса. Можно на эту эпоху смотреть и глазами уцелевших и преуспевших, а их было много больше, чем репрессированных. А кто подсчитает число тех, кто в какой-то мере преуспел, причем подсчитает это также в ряде поколений? Странно» почему советские идеологи не сделают этого?

Репрессии

– О том, что кого-то где-то арестовали, – говорил Он, – мы слышали постоянно, не говоря уж о сенсационных арестах на высшем уровне. Но не думайте, что вся наша жизнь была заполнена этим.

В нашем доме арестовали инженера, который жил вдвоем с женой в двадцатиметровой комнате. Мы его считали богачом: у нас была десятиметровая комната на пятерых. Наша семья не рассчитывала на эту комнату. Мы рассчитывали на комнату тех жильцов, которые получают комнату арестованных (жену его тоже арестовали). Но совершенно неожиданно комнату арестованных отдали нам. Что творилось в доме, невозможно описать. Соседи, претендовавшие на комнату, лили нам в кастрюли керосин и прочую гадость. Приходилось все запирать. А что нам оставалось делать? Не в нашей власти было оставить инженера с женой на свободе. Если бы мы в знак протеста отказались от комнаты, нас самих арестовали бы. Мы не могли отказаться. Но мы и не хотели это делать. И в этом было наше соучастие в репрессиях: нам все-таки тоже кое-что перепало. После этого мои родители портрет Сталина на стенку повесили на самом видном месте. Несколько лет агитаторы нам твердили о том, что советская власть проявила о нас заботу. Нечто подобное происходило в тысячах точек общества.

Сам факт массовых репрессий очевиден и общеизвестен. Проблема в том, почему они стали возможны, почему люди, которых считают теперь преступниками, могли совершать их безнаказанно? А потому, что это было делом не безнравственных и жестоких одиночек, а многомиллионных масс населения, наделенных всеми мыслимыми добродетелями. Это было наше общее дело – совместное дело жертв и палачей.

Почему

Почему я стал антисталинистом? Обстоятельства сложились так, что меня постепенно и помимо моей воли вынудили на действия и мысли, которые в конце концов и навязали мне антисталинистские убеждения и роль антисталиниста. Например, нам так назойливо твердили о том, что мы своими «прекрасными жилищными условиями» (комната в двадцать квадратных метров на пять человек) обязаны советской власти и лично товарищу Сталину, что можно было во что угодно свихнуться. Однажды я не выдержал и ехидно заметил, что мы действительно этими «прекрасными жилищными условиями» обязаны лично Сталину. С этого момента во мне зародилась ненависть к Сталину. Такого рода случаев, укрепивших мою ненависть, были сотни.

А потом начала действовать более глубокая причина, которую я осознал отчетливо только теперь: протест против того общественного устройства, которое складывалось в сталинское время и которое, как казалось мне, противоречило идеалам революции. Я возлагал вину за это «отступление» от идеалов революции на Сталина и сталинистов. Конечно, это общество складывалось и благодаря их усилиям. Но не только их. Оно явилось результатом творчества всего населения страны. И сталинизм, как это ни странно на первый взгляд, сам означал борьбу против своего собственного тво-

рения. Но эту тонкую диалектику я постиг много лет спустя, когда мой антисталинизм утратил смысл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.